

Как и ожидалось, возмутителем спокойствия оказался лишь один человек. Стоило ему выйти, как бушующие призрачные миры мгновенно утихли.

Увидев Фан Чуньшэна с ребёнком на руках, толпа сразу всё поняла. Не оставалось сомнений: этот мальчик не зря возглавил Список Бессмертных Экзаменов в столь юном возрасте.

Испытание, проверяющее стойкость духа учеников, называлось «Усянь» — Безликий. Оно было творением истинного небожителя — не простого практика, вставшего на путь совершенствования, а того, кто действительно вознёсся и обрёл плоть бессмертного.

Призрачный мир обладал зачатками сознания. Для тех, кто не достиг стадии Зарождения Души, он подстраивался под силу идущего: был слаб с робкими и беспощаден с великими. Это была первая преграда секты Линсяо, оберегающая её горы. Ни один злоумышленник не мог прокрасться внутрь — иллюзия мгновенно атаковала разум, а если бы на пороге появился одержимый демонами или злой дух, «Усянь» тут же заставил бы его явить истинное обличье.

Более того, столь мощные пространственные колебания, из которых ребёнок вышел невредимым, могли означать лишь одно: юнец обладал столь исключительным талантом, что сам призрачный мир принял его за вернувшегося первого хозяина!

Подобное случалось и раньше. Последним, кто вызвал такой резонанс, был нынешний глава секты Линсяо — Ду Цзунъюань. В своё время его называли гением, которому нет равных ни в небесах, ни на земле, но даже его испытание не сопровождалось столь сокрушительным грохотом.

Старейшины других сект смотрели на «необработанный алмаз» со смесью восхищения и досады — Линсяо никогда не упустит такое сокровище.

Фан Чуньшэн, не искушённый в интригах мира культиваторов, просто радовался, что статус «главного героя» помог избежать лишних проблем. Он не слишком любил пустые споры. Почувствовав, что ребёнок в его руках зашевелился, он понял: мальчик пришёл в себя, и осторожно опустил его на землю.

Вэй Наньси, едва коснувшись ногами камней, подумал:

«Знал бы я, что так будет, притворился бы спящим подольше»

Он не понимал, почему события этой жизни так сильно отличаются от прошлого, но ощущение, что его защищают, было... не самым плохим.

Входя в призрачный мир, он, несмотря на весь опыт, испытывал тень тревоги. В прошлой жизни, будучи первым учеником Террасы Небесного Зеркала, он не раз сталкивался с иллюзиями «Усянь». Вэй Наньси прекрасно знал: сейчас контроль над призрачным миром

находится в руках Фан Чуньшэна. Если бы Господину долины стало любопытно, что скрывает разум мальчика, он легко мог бы заглянуть в самые сокровенные глубины.

Хотя духовное сознание Вэй Наньси сейчас было даже чуть сильнее, чем у нынешнего Фан Чуньшэна, в пределах иллюзии это не гарантировало безопасности. Без должной маскировки окружающие быстро заметили бы, что в теле ребёнка кроется мощь, не поддающаяся никакой логике.

К счастью, Фан Чуньшэн даже не помышлял о слежке. Однако когда Наньси попытался замаскировать свою истинную суть, само сознание призрачного мира обнаружило неладное.

Иллюзия «Усянь» была подобна скучающему ребёнку, охраняющему горы. Увидев столь выдающуюся душу, чем-то напоминающую её прежнего господина, она, не долго думая, принялась «играть» с незваным гостем.

Едва не заиграла до смерти.

Среди черных туч и рек крови Наньси увидел сцены из своих самых страшных кошмаров: предатели воспевали победу, а те, кто верил ему, превратились в белеющие кости. Иллюзия не знала логики — образы сменяли друг друга, словно на скорую руку поставленная пьеса. И всё же это зрелище выбило его из колеи, вызвав те самые колебания, что перепугали всех снаружи.

Заметив, что Фан Чуньшэн вошёл в призрачный мир «спасать» его, Вэй Наньси приложил колоссальные усилия, чтобы изменить декорации. В его памяти всё ещё жил тот в облике призрака, и если бы настоящий заклинатель увидел «спектакль» о самом себе, объясниться бы не удалось и в тысячу лет.

Вспомнив об этом, мальчик поднял на Фан Чуньшэна невинный, сияющий взгляд:

— Благодарю вас, бессмертный наставник.

«Милые дети — это просто ангелочки», — подумал Чуньшэн. Даже допуская, что перед ним перерождённый герой или старый воитель в теле ребёнка, он всё равно ощутил острое желание потрепать мальчика за щёку.

Но внешне он остался холоден как лёд:

— Пустяки.

"Я сейчас разрыдаюсь!" — раздался в голове голос 2333. "Я знаю, что ты обожаешь детей, и специально выбрал этот голос для лучшего сотрудничества! Это мой первый речевой модуль! Но ты любишь только живых детей снаружи, а не меня!"

«Никого я не обожаю, не болтай чепухи», — отрезал Фан Чуньшэн. «И вообще, кто здесь из нас помешан на детях?»

Система промолчала, но про себя подумала: «Не я это придумал. Эксперты из высшего отдела тестировали тебя и сказали, что Фан Чуньшэн хоть и себе на уме, и на задания может плевать, но перед детьми и котятами у него тает сердце».

Доказательством служило то, что в своём мире он тратил все подработки на благотворительность для детей, а в играх заводил только котят. Но из уважения к достоинству носителя 2333 решило промолчать. Если бы Чуньшэн узнал, как именно система определяет его характер, он бы сильно усомнился в её надёжности.

После трёх испытаний судьбы были решены. Ученикам пора было расходиться по своим... вершинам. Фан Чуньшэну было лень возиться с ними долго, поэтому он просто довёл группу плачущих и смеющихся детей до подножия и холодно бросил:

— Подниметесь на гору — и сможете отдохнуть.

Перед ними предстала Бессмертная лестница.

Главный пик Линсяо не был отвесным, но горная тропа тянулась бесконечно долго. Каменные ступени тонкой нитью терялись в густом тумане. Чтобы преодолеть этот путь пешком, требовались часы.

Честно говоря, глядя на пятнадцатилетних подростков (а некоторым было и меньше), обречённых на столь изнурительный подъём, Фан Чуньшэн почувствовал укол жалости. Но он не был местным и плохо разбирался в тонкостях культивации, а потому не считал нужным вмешиваться. Вдруг его доброта събьёт сюжет с рельсов?хлопот потом не оберёшься.

"Отлично!" — воскликнуло 2333. "Совсем скоро мы прибудем в первую точку задания! За её выполнение полагается щедрая награда"

«То есть всё, что я делал до этого — пустая трата времени, за которую мне ничего не причитается?» — поддразнил его Чуньшэн.

"Ну... как сказать", — замялась система. "Это же большое задание! Как можно добраться до босса, не перебив мелких мобов? Тебе разве не любопытно? Награды у нас всегда шикарные! Вдруг в лотерее тебе выпадет билет на семь дней домой? Сможешь навестить родных и друзей!"

Фан Чуньшэн похолодел:

«Навестить их? Чтобы снова трепать себе нервы?»

2333 замолкло. Как оно могло забыть, что этот носитель совершенно не похож на предыдущих!

Чуньшэн, впрочем, не стал заикливаться на этом и спросил:

«Лотерея? Ваша система наград зависит от везения?»

"Ну, не совсем..." — 2333 поспешило сменить тему. "Даже худшая награда не оставит тебя в убытке. Просто элемент случайности делает процесс... заманчивее, тебе не кажется?"

«Не кажется», — буркнул Фан Чуньшэн. Ему в лотереях никогда не везло.

В главном зале секты Линсяо обычно царило безмолвие. Из года в год здесь гуляли лишь холодные ветры. Однако экзамены, проходящие раз в десять лет, заставили всех собраться вместе.

Глава секты Ду Цзунъюань, Юэ Цзян из Озера Красных Кистей, Кун Хуайи с Террасы Небесного Зеркала и, наконец, пришедший последним Фан Чуньшэн из Зелёной долины — четыре столпа секты были в сборе.

Во главе стола восседал Ду Цзунъюань. Белобородый, величавый, окутанный ореолом мудрости — он был точным воплощением бессмертного старца из легенд. Увидев Чуньшэна, тот улыбнулся:

— Наконец-то ты вернулся. Мы уж думали, ты ни за что не согласишься возиться с детьми.

Голос его, однако, звучал на удивление молодо и мелодично.

Фан Чуньшэна это не смутило. Согласно книге, жизнь этого человека была историей ещё одного «главного героя». Невероятный талант, годы притеснений, чудесные спасения... Его скорость культивации была феноменальной: он достиг стадии Золотого Ядра так рано, что его внешность навсегда застыла на возрасте двадцати семи лет. Позже, став главой секты, он решил, что слишком молодое лицо не соответствует его статусу и опыту, поэтому привык принимать облик старца.

— Обошлось без жертв, — ответил Чуньшэн, придерживаясь образа из оригинала. — Но Зелёной долине от этого дела никакой пользы. Впредь прошу меня не обременять подобным.

Кун Хуайи, который вечно искал повод для спора, тут же вставил шпильку:

— Наставник и старший — и за каждым словом ищет выгоду. Тебе самому не стыдно перед другими?

Юэ Цзян, сидевшая в стороне в обнимку с мечом, выглядела чужой в этой компании. Она не походила на надменную бессмертную, скорее на утончённую, но опасную знатную даму. Услышав слова Куна, она лениво взглянула на него:

— Раз уж так, Почтенный наставник Кун, зачем вы вообще сюда пришли? В этом году дети на редкость талантливы. Если они все станут моими учениками, это будет прекрасным событием.

Юэ Цзян, единственная женщина среди четверых, почти не скрывала своего презрения к Кун Хуайи. Репутация Куна как «учителя для всех без разбора» гремела даже в мире смертных. Когда люди говорили о Линсяо, они вспоминали только его. Влияние в секте должно было поровну делиться между Террасой Небесного Зеркала, Озером Красных Кистей и Зелёной долиной под началом Ду Цзуньюаня, но Кун Хуайи вёл себя так, будто его Терраса Небесного Зеркала — это отдельное государство. Глядя на то, как он затмевает главу секты, преданная Ду Цзуньюаню Юэ Цзян не могла оставаться спокойной.

В её глазах Кун Хуайи был лицемерным и тщеславным выскочкой.

Кун же не понимал, какая муха её укусила. В личных разговорах он ещё мог терпеть её выходки, считая себя выше мелочных обид — в конце концов, негоже благородному мужу спорить с женщиной. Но то, что она шла против него на официальных собраниях, уязвляло его гордость.

В его глазах Юэ Цзян была просто вздорной и невыносимой бабой.

Ду Цзуньюань, не выдержав, кашлянул:

— Опять вы за своё. Как дети, честное слово, каждый день грызётесь.

Спорщики замолчали.

— Говорят, что мир в семье — залог процветания. В секте то же самое. Разве нельзя жить в согласии? — Глава секты искренне верил, что они просто не сошлись характерами, ведь за столько лет не случилось никакой кровной вражды. В делах секты они всегда выступали единым фронтом.

«Ну и простофиля у нас глава секты», — подумал Фан Чуньшэн.

Он знал: после смерти оригинального Фан Чуньшэна вражда между этими двоими станет настолько лютой, что они начнут бросаться друг на друга прямо на глазах у Ду Цзуньюаня. Секта Линсяо едва не развалится из-за их личных счётов. Какие уж тут «небольшие разногласия».

<http://bllate.org/book/17581/1708785>